Примечания

[1] См. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб : Искусство-СПб, 2004. – С. 557.
[2] Эко, У. Отсутствующая структура : Введение в семиологию / У. Эко. – СПб., 1998.
[3] Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, М. Я. Гловинская, Т. В. Крылова ; под общ. ред. акад. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1999. – С. 312.
[4] Raven, J. C. Guide to the Progressive Matrices / J. C. Raven. – London : Levis, 1960.
[5] Стернин, И. А. Значение слова и его компоненты / И. А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 2003.

К. А. Воробьёва

«АВТОРСКАЯ ИРОНИЯ» И «ИРОНИЯ ОТ ПЕРСОНАЖЕЙ» В РАССКАЗАХ О. ГЕНРИ

В статье рассматриваются два вида иронии: «авторская ирония» и «ирония от персонажа». Оба выше обозначенных типа иронии имеют более или менее схожие способы реализации и механизм воплощения, но различаются по сложности структуры и палитре выражаемых чувств и эмоций, а также реализуются в разных условиях и имеют разную степень воздействия на читателя.

Ключевые слова: О. Генри, «авторская ирония», «ирония от персонажей», рассказ.

Ирония является одним из самых ярких стилистических средств выражения авторской позиции по отношению к описываемым событиям и персонажам, ярким средством воздействия на оценки читателя при восприятии вербального текста. Как лингвистический феномен ирония представляет собой преднамеренное выражение несоответствия буквального и подразумеваемого смысла слова или высказывания с целью насмешки, издевательства или шутки. То есть ирония способна отражать широкую гамму чувств и эмоций говорящего, как отрицательных, так и положительных. Хотя, по мнению О. П. Ермаковой, на уровне обыденного сознания слово «ирония», взятое вне контекста, «всегда означает издёвку, злой смех, поэтому любая насмешливо-злая позиция характеризуется обывателем чаще всего как позиция ироническая»[1].

Понимание читателем иронической интенции автора, которое строится на анализе всей текстовой структуры произведения, является сложным когнитивным процессом. В нём участвуют авторское и читательское когнитивные пространства, которые соединены вербальной формой текстового пространства. Несмотря на то, что «интеллектуальная основа иронического дискурса обуславливает наличие у всех участников коммуникации определённого набора когнитивных механизмов выражения иронии и реагирования на неё»[2], оценка иронического высказывания во многом зависит от индивидуально-психологических особенностей и личного опыта самого реципиента.

В художественном произведении читатель практически всецело зависим от оценок автора. Сами ситуации, в которые писатель помещает своих героев, являются индикаторами авторского отношения. Так, по словам М. М. Бахтина, «каждый момент произведения дан нам в реакции на него автора, которая объемлет собою как

предмет, так и реакцию героя на него (реакцию на реакцию); в этом смысле автор интонирует каждую подробность своего героя, каждую черту его, каждое событие его жизни, каждый его поступок, его мысли, чувства»[3].

Целью данной работы является характеристика иронических высказываний, принадлежащих автору и его персонажам, характеристика их общих и отличительных черт.

Настоящее исследование строилось на материале новелл О. Генри. Всего было проанализировано 273 коротких рассказа, содержащих разные типы иронических контекстов, в которых мы попытались проследить способы реализации иронии и выявить диапазон эмоциональных оттенков, стоящих за ироническими высказываниями от автора и от персонажа.

Под *авторской иронией* понимается ироническое описание, комментирование и ремарки автора или рассказчика. При этом в понятие «автор» мы включаем, вслед за М. П. Брандес, три значения слова «автор», которые органически связаны между собой: «автор как создатель произведения; автор как субъект, представленный в самом произведении наряду с другими его персонажами; автор как художественная личность писателя»[4].

Интересно отметить точку зрения А. Г. Гуковского, согласно которой автор – это «не только более или менее конкретный образ, присутствующий в каждом произведении, но и некая образная идея, принцип и облик носителя речи, некая точка зрения на излагаемое <…> носитель оценок, носитель разума, понимания изображённого. Это – образ носителя сочувствия или неприязни, носителя внимания к изображённому и носителя речи, её характера, её культурно-общественной, интеллектуальной и эмоциональной типичности и выразительности»[5].

Точное количество авторских иронических контекстов (описаний и комментариев), присутствующих в новеллах О. Генри, сложно подсчитать из-за особенностей самого феномена иронии, которая наряду с её явной структурной организацией имеет достаточно широкую гамму неявных проявлений.

В рассказах О. Генри авторская ирония заключена в характеристиках, оценках ситуаций и поступков персонажей. Так, в рассказе «Фараон и хорал», где главный герой бездомный бродяга Сопи обдумывает своё предстоящее зимовье, явно чувствуется авторская ироническая оценка: *«Зимние планы Сопи не были* ***особенно честолюбивы****. Он не мечтал ни о небе юга, ни о поездке на яхте по Средиземному морю… Трёх месяцев заключения на Острове – вот что* ***жаждала*** *его душа. Три месяца верного крова и обеспеченной еды, в приятной компании, вдали от посягательств Борея и фараонов – для Сопи это был поистине* ***предел желаний****»*. Автор иронизирует по поводу мечты героя, для которого лучшим и желанным местом пребывания является тюрьма. Ирония в приведённом контексте заключена в преувеличении простого желания иметь крышу над головой и обозначается как честолюбивые планы – жажда души – предел желаний. Стремление героя попасть в тюрьму, как единственно возможное для него место выживания, названо *«не особенно честолюбивым»*, а многократные правонарушения названы *«жаждой»* и *«пределом желаний»*. Ирония автора развивается далее посредством лексических и стилистических повторов. По мере развития сюжета автор иронически называет тюрьму «желанным и своевременным приютом», «приятным путешествием в зимнее убежище», «уютным островком», «раем», «зимним сезоном на Острове». Когда же герою не удаётся сдаться полицейскому, «арест стал казаться ему радужной мечтой», «далёким миражом», а тюрьма – «недоступной Аркадией». Авторская ирония в этих репликах многогранна: автор посмеивается над *представлением* героя о счастье, над *методом* достижения

этого счастья, над *тщетностью* его усилий. Автор иронически заключает: «Сопи был осуждён наслаждаться свободой», где проигрывается семантическая несовместимость слов «осуждён» и «свобода». Оценочная эмоция, которая стоит за авторской иронией в этом примере, – сочувствие, жалость по поводу бессилия человека изменить свою судьбу к лучшему. Автор со снисхождением относится к своему герою, его иронию можно назвать добродушной.

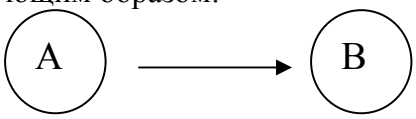
Отметим также, что сюжет всего рассказа строится по типу «иронии судьбы». Это тот случай, когда герой к чему-то очень стремится, но чем больше усилий он предпринимает, тем дальше он оказывается от своей цели. И, наоборот, как только он отказывается от мысли получить то, к чему стремится, сама судьба преподносит ему желанное. То есть авторская ирония выходит на уровень сюжета.

Понятие авторской иронии противопоставляется нами *иронии от персонажа*, которая заключается в иронических репликах и оценках самих героев и встречается в диалогах. Помещая ироническую реплику в уста героя, писатель пытается абстрагироваться от повествования, быть менее заметным, и, следовательно, читатель выступает в большей мере как сторонний наблюдатель и может дать собственную оценку, как самой личности героя, так и его поступков.

Всего было проанализировано около 2 тысяч диалогов. В них иронические высказывания различались по направленности на объект. Нами было выделено три типа «иронии от персонажа»:

1) прямая ирония;
2) косвенная ирония;
3) взаимонаправленная ирония.

Прямая ирония – это ирония, направленная непосредственно на личность второго участника коммуникации или его действия и поступки. Непременным атрибутом такого иронического высказывания является наличие местоимений «ты», «вы», «твой», «ваш». Около 800 диалогов содержали прямую иронию, что соответствовало 40 % от общего числа диалогов. Схематически этот тип иронии можно представить следующим образом:

где А и В – участники речевой коммуникации; А является субъектом иронии, В – объектом.

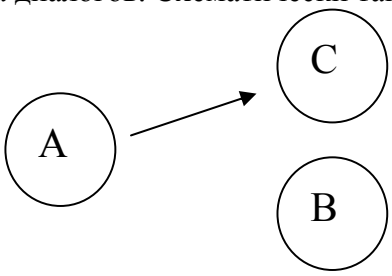
Примером прямой иронии является диалог из рассказа «Как скрывался Чёрный Бил»: *«А: Пасёшь овец?*

В: Увы, перед лицом такой несокрушимой проницательности, как ***ваша****, у меня не хватает нахальства утверждать, что я тут реставрирую старинную бронзу или смазываю велосипедные колёса».*

Здесь ирония персонажа В, заключённая во фразе *«перед лицом такой несокрушимой проницательности, как* ***ваша****»* направлена непосредственно на личность собеседника А в виде притяжательного местоимения «ваша». Ироническая реплика является ответом на банальный и очевидный вопрос и строится на гипертрофированном преувеличении характеристики умственных способностей собеседника. Эмоция, которая стоит за иронической репликой героя, – это сильное раздражение, а в оценке говорящего чувствуется пренебрежение ко второму участнику коммуникации.

Косвенная ирония – это иронические высказывания, объектом которых являются не участники коммуникации, а третьи лица. Косвенная ирония может быть направлена как на одушевлённое лицо, так и на неодушевлённый предмет. Примерно

960 диалогов содержали косвенную иронию, что соответствовало 48 % от общего числа диалогов. Схематически такая ирония представляется следующим образом:

где только А и В – участники речевой коммуникации; А является субъектом иронии, В является сторонним слушателем, а С – объектом иронии.

Примером косвенной иронии может послужить диалог из рассказа «Блуждания без памяти», где герои обсуждают газетную статью, в которой освещается случай потери памяти человека:

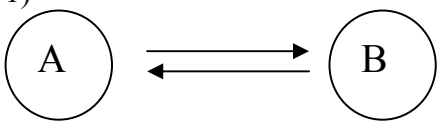
«А: Вы, кажется, уж чересчур недоверчивы... Я знаю, такие провалы памяти действительно бывают, людей заносит неведомо куда, они не помнят ни своего имени, ни прошлого, ни родного дома.

В: Чушь и бред! Просто они хотят поразвлечься. ***Уж очень все стали образованные****. Мужчины прослышали про эту самую амнезию и прикрываются ею. Да и женщины туда же. Когда им уже не отвертеться, они глядят вам прямо в глаза и дают* ***самое научное объяснение****: "Он меня загипнотизировал!"»*

Ирония персонажа А в этом примере направлена не на собеседника В, а на абстрактный образ С, точнее на такое качество, как непостоянство, или явление супружеской неверности. Ирония строится на фразах *«Уж очень все стали образованные»* и *«самое научное объяснение»*, высказанные по поводу употребления научного термина теми, кто пытается оправдывать своё аморальное поведение. Оценочную эмоцию в этих высказываниях персонажа В можно определить как насмешку, издёвку.

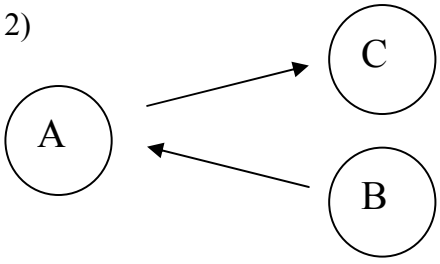
Взаимонаправленная ирония представляет собой обоюдное иронизирование персонажей в адрес друг друга или третьих лиц в рамках одной речевой коммуникации. Всего было зарегистрировано 240 диалогов с взаимонаправленной иронией, что соответствовало 12 % от общего числа диалогов. Этот тип иронии можно представить в виде двух вариантов схем:

1)

где А и В – участники речевой коммуникации; А и В являются поочерёдно и субъектом, и объектом иронии.

2)

где только А и В – участники речевой коммуникации; сначала А является субъ-

ектом иронии, В является сторонним слушателем, а С – объектом иронии, затем В становится субъектом иронии, а А – объектом.

В качестве примера взаимонаправленной иронии может послужить диалог из рассказа «Психея и небоскрёб», где беседуют девушка и влюблённый в неё молодой человек. Объект иронии девушки – крошечная лавка, владельцем которой является юноша:

«Каждый день утром и вечером Дэзи проходила мимо угла, где притулилась лавочка Джо. Приветствие её звучало примерно так:

*А: Эй, **в конуре**, как дела? Что-то, смотрю, у тебя стало **пустовато**. Не иначе, продал пачку жевательной резинки.*

В: Да, места здесь немного, это точно, но на тебя, Дэз, хватит. Мы с магазином ждем не дождёмся тебя в хозяйки. Ты уж нас долго не томи, хорошо?

*А: Магазин! Не магазин, а **консервная банка**! Ждете, говоришь? **Ну-ну**. Только придётся тебе, Джо, выкинуть фунтов 100 сластей, а то мне не уместиться.*

*В: Что ж, **с удовольствием, ведь это то на то и выходит**.»…*

*А: А ты тут, Джо, прямо как мумия в футляре. **Уж не пополнились, чего доброго, твои запасы на фунт орехов или одно яблоко?** По-моему, ты **вконец затоварился**.*

В: Ты знаешь, Дэзи, как я хочу, чтобы мы поженились, я и деньжат поднакопил. Магазин у меня, правда, не такой уж большой.

*А: **Ну да, серьёзно?** А говорят, тебя сам Уонамейкер [владелец самого крупного супермаркета в Нью-Йорке начала XX века. – К. В.] уламывает сдать ему **излишки помещения** на будущий год».*

В данных примерах ирония в репликах девушки строится на преуменьшении и преувеличении характеристик бедного по ассортименту магазинчика: *«пустовато» – «пополнились припасы» – «затоварился»*; а также на преуменьшении и преувеличении характеристики размеров помещения: *«консервная банка», «конура»* и *«излишки помещения»*. Интонационный иронический рисунок дополняют междометия *«ну да»* и *«ну-ну»*. Ирония усиливается также за счет таких синтаксических средств, как вводные словосочетания *«чего доброго»* и *«не иначе»*, и двух риторических вопросов. Оценочная эмоция, которая стоит за иронией девушки, находится в негативном диапазоне, и её можно определить как презрение к объекту иронизирования.

В данном диалоге представлена *взаимонаправленная* ирония, так как в ответ на колкие замечания девушки («*Только придётся тебе, Джо, выкинуть фунтов 100 сластей, а то мне не уместиться»)* молодой человек парирует фразой («*Что ж, с удовольствием, ведь это то на то и выходит»*), за которой стоит намёк на крупные формы героини. Если бы не было ответной иронической реплики, иронию девушки можно было бы определить как *косвенную* иронию, так как она направлена на неодушевлённый предмет, принадлежащий юноше. Его ироническое высказывание, взятое изолированно, можно рассматривать как *прямую* иронию, так как она направлена непосредственно на личность собеседницы, то есть его ирония бьёт по пресуппозициям, а, следовательно, воспринимается ещё больнее, хотя в целом отношение молодого человека к девушке нельзя назвать резко негативным. Глубинная эмоция, скрывающаяся за его фразой, – это обида, которая относится также к разряду отрицательных эмоций.

В результате проведённого исследования было установлено, что авторская ирония и ирония от персонажа обладают как общими, так и отличительными особенностями. Общий механизм воплощения обоих типов иронии основан на принципе семантической двуплановости, создаваемой узуальными и окказиональными,

прямыми и переносными значениями, когда возникают отношения несоответствия или противоречия между ними.

Ирония от персонажа отличается от авторской иронии тем, что она, как правило, ограничена лексическим и синтаксическим уровнями. Это обусловлено меньшей значимостью персонажа в произведении, нежели ролью автора, а также тем, что ирония от персонажа чаще реализуется в условиях микроконтекста. Структура её относительно проста: ироническая реплика героя следует как реакция на слова другого персонажа, т. е. фраза или действие одного героя и ироническое комментирование их другим героем всегда располагаются контактно. Понимание этого типа иронии вписывается в конкретный линейный контекст, редко превышающий рамки абзаца. При этом ирония от персонажа отражает преимущественно отрицательные эмоции по отношению к происходящему: гнев, обиду, презрение.

Авторская ирония может проявляться на всех языковых уровнях: лексическом, синтаксическом, текстовом уровнях, включая сюжет. Сложность авторской иронии заключается в том, что реализация переносных значений часто происходит постепенно, а новые значения возникают градуально по мере развития повествования. Так что ирония от автора может развёртываться на протяжении всего текста через дистантное расположение значимых для иронической оценки элементов. Благодаря этому авторская ирония служит более действенным средством создания образов произведения, их характеристики, а также выражением авторского мировоззрения в целом. Кроме того, сложная структура авторской иронии способствует выражению широкого диапазона эмоций, как отрицательных, так и положительных. Синтезируя их на протяжении всего произведения, читатель убеждается, что за иронией автора стоит не издёвка, а сочувствие герою, иногда даже симпатия к нему, что смеётся над ним не автор, а судьба, общественное устройство или закон, от которых простой человек не защищён.

Таким образом, авторская ирония намного сложнее иронии от персонажа: во-первых, для её понимания необходим мегаконтекст, во-вторых, она передает не только отрицательные, но и положительные эмоции к своему объекту, в-третьих, её влияние на оценку читателем описываемых событий сильнее, так как читатель воспринимает происходящее в авторском повествовании как объективную данность.

Примечания

[1] Ермакова, О. П. Ирония и проблемы лексической семантики / О. П. Ермакова // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 2002. – Т. 61, № 4. – С. 31.

[2] Балашов, С. Н. Взаимодействие когнитивных карт коммуникантов в ироническом дискурсе / С. Н. Балашов // Общетеоретические и научно-практические проблемы лингвистики и лингводидактики. – Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2006. – С. 30.

[3] Бахтин, М. М. Автор и герой / М. М. Бахтин. – СПб : Азбука, 2000. – С. 118.

[4] Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М.П. Брандес. – М. : Высш. шк., 1983. – С. 48.

[5] Гуковский, Г. А. Реализм Гоголя / Г. А. Гуковский. – М. ; Л., 1959. – С. 89.